

Глава 1

Свинцовые тучи над головой, дождь еще не начался, но отдельные крупные капли уже падают, ветер подхватывает их, и они, будто плевки, летят в лицо. Перед глазами страшная рожа, глаза бешеные, навывкате, нос ломаный-переломанный, как будто его нарочно уродовали, чтобы пугать людей, короткие губы кажутся длинными — из-за глубоких шрамов в уголках рта. Слишком часто Машур порожняки гоняет, кто-то его за это уже наказал. Ерема тоже хочет порвать ему пасть. А драка будет, она уже назрела, осталось совсем чуть-чуть до ее начала. Знатное мочилово намечается, пацаны с обеих сторон уже на взводе, воздух, казалось, звенит от напряжения, одна искра, цепь замкнет, и понеслась. И не нужно думать, что все закончится, буря уляжется, можно будет завалиться в кабак, напиться, снять девчонку, провести с ней ночь. Хотя, может быть, так и будет. А может, наступают послед-

ние секунды жизни, которые нужно прожить ярко и с музыкой.

— Хрен тебе в гланды, а не Покрышку! — заорал Машур.

Он понимал, что это край, дальше только в морду, если у Еремы есть характер и он у него такой же крепкий, как и его кулаки. Машур ждал удара, и он его получил. Голова ловко ушла с линии удара, Ерема скользнул кулаком по шее. Но ударная рука не провалилась, она просто ушла далеко. В драке ведь не обязательно бить, главное, свалить противника, и не важно, как это сделать.

Ерема вошел в клинч, ударной рукой обхватил противника за шею и мощным рывком свалил его на землю. А там камень, жаль, Ерема не смог навести на него голову врага, чуть-чуть промазал: слишком уж сильно сопротивлялся Машур. Он тоже схватил Ерему за шею, уперся ногой в землю, поднатужился, пытаясь столкнуть его с себя. Но Ерема не просто мог держать противника за шею, он его душил. Жаль только, что времени у него нет. Толпа пришла в движение, пацаны с ревом бросаются друг на друга, в ход идут кастеты, цепи, трубы. А правил в этой драке нет, Ерему запросто могли огреть арматуриной по голове — некогда ему возиться с Машуром, чем быстрее он с ним решит вопрос, тем лучше. А камень совсем рядом, нужно всего лишь пересилить самого себя и совершить невероятное — хотя бы на миг оторвать могучего противника от земли и ударить его головой о камень.

Ерема оторвал противника от земли, подтянул голову поближе к камню и с силой опустил. Машур взревел от боли, глаза у него закатились куда-то под лоб, тело ослабло. Возможно, с ним покончено, но смерть Ерему сейчас не пугала. Тут кто кого, все по-честному. Чтобы наверняка, он еще раз шарачнул Машура головой о камень, резко поднялся и тут же бросился в сторону. Кто-то ударил его обрезком трубы, тяжелая железяка с размаху опустилась на плечо, и руку отсушило. С ног Ерему не сбили, но он не успевал восстановить равновесие, следующий удар мог стать для него роковым.

Положение спас Вахлам, он с ревом снес пацана с трубой, а Ерема, пользуясь моментом, огляделся. Все нормально, стенка сошлась со стенкой, рвется плоть, ломаются челюсти, крошатся зубы. Жизнь бьет ключом со всей мочи, и нужно ловить от этого кайф в полный рост.

Одна беда, силы явно неравные — Ерема привел с собой с десяток бойцов, и Машур столько же, но бадаловская братва на голову сильнее, и это уже видно. Махач еще только начался, а Машур уже потерял двоих. Не считая самого себя. Два пацана на земле валяются, один в полном отрубке, другой пытается подняться, но не может. И Машур уже подает признаки жизни, перевернулся на бок. Правил сейчас нет, Ерема мог бы добить врага ногой, но его внимание привлекли двое, они стремительно шли со стороны лодочной станции. У одного в руке помповик, у другого — автомат.

И шли они на подмогу Машуру... Договаривались же, без стволов!..

Впрочем, Ерема уже третий год в движении, не верил он ни в какие договоры. Потому и прихватил ствол. Не просто за пояс его заткнул, а в кожаный чехол туго засунул, чтобы в драке не выскочил. Под рубашкой, за спиной, за верхним срезом брюк эта самодельная кобура.

— Атас, братва! — крикнул он.

Только тогда сунул руку под рубашку, с трудом вынул «ТТ», передернул затвор. Пацаны услышали его, стали выходить из боя, Вахлам и Свист уже вытащили стволы, остальные только собирались. А двое, с ружьем и автоматом, уже вскинули оружие. Стрелять эти отморозки могли пока только по Ереме и Шишману, остальных закрывали собой пацаны Машура. Сейчас эти уроды схлынут, и уже вся бадаловская рать окажется в зоне огня.

— Твари!

Ерема нажал на спусковой крючок, пистолет задергался в руке, но противник и не думал умирать. Хоть бы один споткнулся. Одно хорошо, они оба почувствовали опасность, остановились. Вахлам тоже выстрелил, но под огонь попал только Ерема. Ударили по нему сразу из двух стволов, одна пуля вошла в живот. У Еремы резко ослабла правая нога и онемело левое полушарие, впрочем, падать нужно по-любому, иначе конец.

В армии он служил в стройбате, боевой подготовкой там не занимались, но перед присягой проходили

курс молодого бойца. Стрелять не учили, а команды «К бою», «Вспышка справа» исполняли. Впрочем, Ерема припал к земле не по правилам, отбил себе коленку и локоть, но это такой пустяк по сравнению с пулей, которая больно чиркнула его по макушке, выдрав клочок волос вместе с мясом.

Вахлам и Свист открыли огонь, к ним присоединились другие. Машуровская толпа ответила тем же. Поднялась стрельба, упал автоматчик. Из раны хлестала кровь, она заливала глаза, сильно кружилась голова, немели ноги. Ерема плохо соображал, но все-таки заметил, как поднялся и побежал к своим Машур. Он смог заменить обойму, выстрелил раз, другой, Машур поймал пулю ногой, захромал.

— Сдохни, сука! — заорал он.

В обойме закончились патроны, а затем отключилось сознание.

Очнулся Ерема в машине, Вахлам, задрав на нем рубашку, перевязывал живот. Ерема не чувствовал боли, понимая, что это ненормально. Что это с ним? Неужели пуля перебила позвоночник? Но вроде бы в живот попала. А может, на голове какой-то нерв задела и жить ему осталось совсем чуть-чуть?

Ерема усмехнулся, глядя на Свиста, который крутил руль, пригнув голову.

— Давай, давай! — поторапливал его сидящий рядом Шишман.

Ерема и не знал, от погони они уходят или просто торопятся куда-то. А узнать надо. Если ему суждено сегодня умереть, то произойдет это не прямо сейчас,

хотя бы час он еще проживет. И нужно именно жить, а не существовать.

Но узнать он ничего не успел: сознание снова отключилось.

В следующий раз Ерема очнулся в больнице. Он лежал на каталке, перед ним стоял мужчина в белой шапочке. Откуда-то издалека донесся знакомый голос:

— Доктор, если с ним что-то случится, тебя похоронят вместе с ним!..

И врач исчез, и Шишман пропал, но его голос продолжал звучать в голове. Во всяком случае, когда Ерема снова пришел в себя, услышал его где-то в глубинах еле теплящегося сознания. Но при этом не понимал, на самом деле Шишман угрожал врачу или ему все померещилось.

Так или иначе, он лежал на больничной койке, за окнами темнота, где-то у двери еле светилась лампочка. Голова туго, но соображала, а тело было совсем непослушным. Ерема попробовал пошевелить пальцами — глухо. Открылась дверь, в палату кто-то вошел, он видел лишь смутные силуэты, расплывающиеся в пространстве. Послышался девичий смех, а в низ живота как будто иголка вонзилась. Но это не укол, а что-то более существенное. Сознание быстро угасало, но Ерема все-таки догадался, что в одно место ему вставили катетер, чтобы он не сходил по-маленькому под себя.

Очнулся он в очередной раз уже при свете дня. И за окнами солнце, и сознание довольно-таки ясное. Он

лежал на койке, рядом стояла на носочках девушка в белом халате, она закрепляла банку на верху стойки для капельницы, Ерема понял это, едва глянув на нее.

— Тебе помочь? — спросил он.

Полы халата разошлись, юбка под ним не самая длинная, нога обнажилась чуть выше колена. Крепкая нога, сильная, но не изящная. Девушка вздрогнула так, как будто с ней заговорил покойник. Отпрянула от капельницы, настороженно глянула на него и натянуто улыбнулась:

— Фу ты!

— Что такое? Я должен был умереть? — спросил он.

— Да нет... Просто неожиданно!

— О женихе думала?

Девушка не фонтан, широколицая, полнощекая, лицо и шея в родинках, еще и глаза слегка косят. Зато грудь убойного калибра, за одну ночь не перещупаешь.

— Почему о женихе? — смутилась медсестра.

Ерема усмехнулся, глядя на нее. Интересно, о чем она думала, когда вставляла в него катетер. Хозяйство там у него крепкое, зажиточное, не какая-то беднота. И сам он парень крупный, мощный.

Он осторожно потрогал саднившую голову, на ней была повязка. Осторожно приподнял одеяло, и живот забинтован. Там вроде ничего не болит, но, возможно, действие наркоза еще не совсем закончилось. Или уже после операции чем-то обкололи. А операция была, он ничуть в том не сомневался.

- Что у меня там?
- Операцию вам сделали. На толстую кишку.
- Да?.. И как?
- Вам очень повезло, Иван Ильич опытный хирург, орган удалось сохранить.
- В смысле кишку?
- Что такое колостома, знаете?
- Костолома знаю.
- Лучше костолом, чем через трубочку опорожняться.

— Как через трубочку? — похолодел Ерема.

— Каждому третьему везет, не больше. Хорошо, что Иван Ильич отличный хирург, — усмехнулась сестра, с тайным разочарованием глядя на Ерему.

Шевельнулось в нем романтическое чувство, но все уже вышло. Через трубочку. И девушка поняла, что настроение у него упало ниже плинтуса. Видно, натворила пуля бед, если дело дошло до сложной операции. Хорошо, что кишку сохранили, а то лежал бы сейчас Ерема с трубочкой в животе. Знал он одного пацана, из Афгана инвалидом пришел, с калоприемником ходил. И ходит. Лучше сразу застрелиться, чем так.

Девушка поставила капельницу, собралась уходить, только тогда Ерема очнулся, мысленно вернулся к ней.

- А тебя как зовут? — спросил он.
- Оксана! — кокетливо сказала она.
- Иван Ильич когда будет?
- Сменился Иван Ильич, до послезавтра.

— Ну хорошо.

Он помнил мужчину, который склонялся над ним: светло-серые глаза, ясный взгляд, благообразное лицо, а Шишман ему расправой пригрозил. Понятно, что за Ерему переживал, но все равно нехорошо вышло. Впрочем, послезавтра Ерема точно будет здесь, и желание извиниться вряд ли пропадет. Он ведь не какой-то там отморозок без мозгов и совести.

— Друзья там у вас, — качнула головой Оксана, с укором глянув на него.

— Друзья? — скривил губы Ерема.

А он так надеялся, что Шишман ему со своей угрозой померещился, а нет, все-таки придется извиняться за этого баклана.

— Ходили тут... шумели.

— Ты хотела сказать, угрожали?

— Ну да... — девушка отвела в сторону взгляд.

— Это у них шутки такие!

— Такие же огнестрельные, как ваша рана, — усмехнулась она.

— Я же с тобой на «ты», и ты давай без политесов, — подмигнул Ерема.

— В милицию нужно сообщить, а нельзя, — тихо сказала она.

— Потому что проблемы будут, — мило улыбнулся он. — У того, кто обратится.

— В том-то и дело.

— Вот и не обращай... А так мы люди мирные и даже добрые.

— Не для всех. — Оксана снова отвела взгляд.

— В твоём возрасте о любви нужно говорить, а ты пургу несешь!

Ерема щелкнул пальцами, указывая на дверь. Достала его эта дура. Ей какое дело, узнают менты об огнестреле или нет? Даже если он человека убил, ее это не должно волновать.

А он убивал, не без этого. Не важно, что убивал хищников, а не травоядных, тех, кто сознательно внес свое имя в список смертников. И сам он в этом списке, и сам готов умереть в любую минуту. Он сознательно выбрал этот страшный путь, по которому смерть идет за ним по пятам. Бадал собрал братву, бросил на вещевой рынок, схлестнулись с блатными, тогда и пролилась первая кровь.

Через год вышли на Москву, здесь подмяли кусок района на окраине столицы, половину потом потеряли, часть из упущенного удалось отбить. Сейчас все нормально, дела идут, проблемы решаются, но и кровь льется. Сегодня вот за барахолку вцепились, уже третья разборка с Машуром. Проблему так и не решили, а значит, завтра снова в бой. Этот разбор Ерема пропустит, но рано или поздно снова окажется в гуще событий. Страшно, опасно, но это его выбор, и не надо печалиться. Даже если впереди ждет смерть.

Оксана обиделась, ушла, появился лечащий врач, осмотрел рану, назначил перевязку. А потом возник Бадал, мощный, накачанный, бицепс размером с голову обычного человека. Мятые уши, вздутые вены на лбу, тяжелые брови, широкий, с мясистыми ноздрями нос, чугунный подбородок, бычья шея,

борцовские плечи. Черты лица грубые, жесткие, но взгляд при этом совсем не злой, даже порой добродушный. Шишман с ним подъехал и Вахлам, один такой же тесаный дуб, толстокожий и тяжеловесный, другой высокий, статный, гладкощекий, приятной внешности. Взгляд у Вахлама вроде бы мягкий, но на гранитной основе, кремень-человек. И Шишман крутого нрава, напористый, хлебом не корми, только подрасться дай.

— Ну как ты, братан? — пожав Ереме руку, спросил Шишман.

— Бывало и лучше... С пацанами что? Я вообще не в курсах! — сказал Ерема, виновато глянув на Бадала.

Ему доверили разбор с Машуром, с него спрос, а он даже не знает, чем стрелка закончилась. Не видел, чтобы кого-то наглухо завалили, но стрельба была такая, что жертв не могло не быть.

— Нормально все, — тихо, с чувством собственного достоинства сказал Бадал.

И на Шишмана он глянул, чтобы передать ему слово. Не царское это дело подробности говорить.

— Тебя вот сильно зацепило, Ништяку ногу прострелили, Резвому — руку, а Бычку сломали челюсть. Все.

— А с Машуром что?

— Живой, сука!..

— Это ненадолго, — кивнул Ерема.

Он не считал себя кровожадным и даже понимал Машура. Понял пацан, что проигрывает, включил запасной план, но уговор был без пальбы. Дал сло-